

Стараясь изо всех сил открыть тяжёлые веки, Альбафика ощутил лёгкое недоумение от затуманенной картины перед глазами. Он моргнул, но всё оставалось расплывчатым. Альбафика слегка повернул голову, и недоумение в его сердце лишь усилилось. Он ясно помнил, что погиб, в бою с Небесным Благородным воином Миносом он отдал свою жизнь, уничтожив врага. Почему же у него до сих пор есть ощущения? После смерти все Святые воины отправляются в Ледяной Ад, но сейчас, помимо полного бессилия, нечёткого зрения и немоты, он не чувствовал никакого холода!

— Лиза, смотри, он открыл глаза!

Пронзительное сопрано раздалось прямо у уха Альбафики, заставив его болезненно сморщиться. Однако Альбафика уловил важную деталь: эта певица говорила на итальянском языке!

— Правда? Дай я посмотрю. Эмили, не трогай его, осторожней, можешь пострадать.

Более спокойный женский голос раздался, а затем шаги приблизились издалека.

Эмили надула губки. Ей было чуть больше двадцати, самый прекрасный возраст. Её мысли и так были подвижны, она стремилась к свободе, но сейчас её заперли здесь, и в душе уже скопилось немало недовольства.

— Знаю, знаю. Кто захочет приближаться к этому молодому господину? Только родился — и уже отравил собственную мать. Он же весь пропитан ядом, я ещё не хочу умирать! Лиза, нам правда не повезло, глава поручил именно нам двоим ухаживать за этим господином. Похоже, на нашу жизнь можно ставить крест!

— Хватит, Эмили! Такие слова тебе не следует произносить!

Лиза холодно посмотрела на Эмили, та испуганно втянула шею, но в душе по-прежнему бушевали недовольство и сопротивление. Лиза вздохнула про себя. Хотя она понимала Эмили, они были всего лишь служанками. Дела господ, хорошие или плохие, не подлежали обсуждению для таких, как они.

— Должно быть, молодой господин проголодался. Я пойду приготовлю ему смесь. Присмотри за ним, я скоро вернусь.

Увидев, как Лиза удаляется, Эмили наконец выдохнула с облегчением. Затем она повернулась к младенцу в колыбели. Она хотела рассердиться, но, увидев милое личико ребёнка, в ней проснулось присущее женщинам материнское чувство. Она протянула руку, чтобы взять его, но вспомнила про яд. Рука замерла в воздухе на какое-то время, прежде чем медленно опуститься.

— Эх, говорю же тебе, такой милый малыш, законный сын главы семьи, откуда же у тебя эта ядовитая кровь? Вот и вышло: госпожа отравилась и умерла, глава возненавидел тебя и бросил на этой вилле на произвол судьбы, а меня заставил тут торчать. Эх, даже не знаю, винить тебя или жалеть!

Услышав слова Эмили, в сердце Альбафики постепенно расплзлась печаль. В прошлой жизни был учитель, а в этой — мать? Раз уж я переродился, зачем мне снова иметь это ядовитое тело? Альбафика не понимал, почему он не попал в Ледяной Ад, а вместо этого переродился в Италии младенцем. Но судя по полученной информации, когда он только родился, у него не было сознания, и он не мог контролировать ядовитость своей крови, поэтому и погубил свою

нынешнюю мать.

Последующие дни были очень однообразны. Что может делать младенец? Только пить молоко, спать и кричать, даже если душа внутри этого младенца невероятно сильна! Альбафика ощущал сильное раздражение. Будучи младенцем, даже обретя сознание, он из-за хрупкости тела не мог контролировать свою ядовитость и мог лишь молиться, чтобы ухаживавшие за ним женщины были осторожны и не прикасались к нему. Сейчас он не знал, какое сейчас время, закончилась ли Священная война, победила ли Афина, живы ли Сион, Асмита и другие товарищи. Жаль, что он находится здесь и ничего не может сделать.

— Эмили, будь осторожней!

Лиза напоминала Эмили. Особенно осторожными нужно было быть, когда они купали Альбафику и переодевали его. На руках у них были специальные перчатки.

— Знаю, знаю. Ты каждый день мне об этом напоминаешь. Неужели у меня такая плохая память?

Эмили закатила глаза. Хотя она понимала, что Лиза заботится о ней, но слышать одно и то же каждый день — уши уже закладывает, и, конечно, это раздражает.

С её живым характером ничего нельзя было поделаться, и Лиза могла лишь вздохнуть и продолжить купать Альбафику.

— Лиза, ты слышала? Глава принёс и воспитывает сына от женщины на стороне!

Эмили приблизилась к Лизе и с любопытством спросила.

Лиза подняла на неё взгляд, затем снова опустила глаза на младенца в ванночке, во взгляде её читалась жалость.

— Да, знаю.

Увидев, что Лиза в курсе, Эмили распахнула шлюзы болтовни.

— Говорят, у того ребёнка серебристые волосы, очень похож на главу. Не то что у нашего господина — голубые волосы, полностью в мать! Хотя волосы у нашего господина и правда очень красивые, прямо цвет неба, и родинка у уголка глаза тоже очаровательна!

— Этому ребёнку, говорят, глава уже дал имя?

Тихо спросила Лиза.

— А, точно! Говорят, зовут его Суперби. Глава его очень любит. Кстати, Лиза, знаешь что!

Эмили с сочувствием взглянула на Альбафику.

— У нашего господина день рождения 11 марта, а у того ребёнка — 13 марта, всего на два дня младше!

— Ладно, Эмили, достаточно!

Лиза прервала её.

— Впредь поменьше говори такие вещи. В конце концов, это семейные дела главы, не нам, таким как мы, вмешиваться. Не думай, что раз здесь только мы вдвоём, глава не узнает, что тут происходит. Если он услышит, никто нас не спасёт!

Прерванная Эмили недовольно опустила голову и надула губы.

— Ладно, ладно, надоела.

Они и представить не могли, что младенец Альбафика способен понимать их речь. Если бы знали, вряд ли бы говорили такое при нём. В сердце Альбафики стало немного горько, но вскоре он ощутил облегчение. Так даже лучше. В конце концов, он всегда был один, избегал всех и жил в одиночестве.

Помолчав немного, Эмили снова подняла голову и посмотрела на Лизу.

— Кстати, Лиза, глава не дал имени нашему господину. Теперь, когда у главы появился другой ребёнок, наверное, он и не вспомнит о нашем господине.

Лиза кивнула.

— Верно. Но госпожа ещё раньше дала имя нашему господину. Говорят, глава тогда тоже согласился. Назвали Альбафика.

— Альбафика...

Эмили внимательно прожевала это имя, а затем улыбнулась.

— Какое красивое имя!

— Да, действительно. Госпожа в то время так ждала этого ребёнка...

Даже перед самой смертью она думала об этом ребёнке. Вспомнив ту нежную и добрую госпожу с волосами цвета небесной лазури, Лиза почувствовала, как сердце сжимается от горечи.

Под заботливым уходом Лизы и Эмили Альбафика постепенно рос. Как только он обрёл способность двигаться, он собственноручно, понемногу, превратил сад при вилле в розовый. Конечно, это были обычные розы, ведь здесь жили не только он один. Кроме того, Альбафика отдельно построил очень просторную стеклянную оранжерею, где выращивал Королевскую демоническую розу. Это было его личное пространство и самое опасное место во всей округе. Обычно сюда, кроме него, никому не разрешалось входить.

Сейчас Альбафике уже исполнилось десять лет. Обладая памятью прошлой жизни, маленький мальчик казался необычайно спокойным и взрослым, с неизменным бесстрастным выражением лица, во взгляде читалась отстранённость и холодность. За десять лет он видел только Лизу, Эмили и изредка проходящих жителей деревни у подножия горы, приносящих припасы. Возможно, именно из-за чрезмерно замкнутого и холодного характера Альбафики, Лиза не старалась исправить живой нрав Эмили, чтобы хоть как-то оживить это место. К сожалению, со временем, даже будучи от природы общительной, Эмили постепенно успокоилась и становилась более уравновешенной.